

афиша

Неделя. — 1996. — № 40. — С. 12

телефон для деловых контактов
209-36-70, факс 299-71-86

— Почему вы играете именно на этой сцене?

— В этом театре я работаю всю жизнь. Для меня очень многое значат искусство Вахтангова, его принципы. Его ученики говорят, что он был не просто учителем. Репетируя с артистом, он формировал мировоззрение человека, его душу. Он "посвящал в профессию" — не на специальном мероприятии, а по внутреннему ритуалу. Театр ведь всегда ритуален. "Священнодействуй — или убирайся вон!" — это не его лозунг, но Вахтангов был человеком, который считал, что нужно либо воспринимать театр как образ жизни, либо заниматься чем-то другим. Здесь могут работать только те, кто ощущает зависимость от театра. Низшие ступени подобной зависимости — наркомания, алкоголизм. А то, что имею в виду я, Пастернак назвал "высокая болезнь".

— Что вы можете сказать о "вахтанговских" зрителях?

— К нам приходят те, кто не любит быт, те, кому он надоед. Быт — это когда человек дома посидел, с женой поругался, пришел в театр и увидел то же самое.

— Какой вам представляется современная московская театральная жизнь?

— Театральная жизнь Москвы необычайно разнообразна — на моей памяти она никогда раньше такой не была. Сегодня каждый может сказать все, что хочет. Или "если сказать не умеешь" хрю-хрю", визжи, не стесняясь, "и-и". Так вот теперь все имеют право пропихивать свое "и-и".

ЛЮДМИЛА МАКСАКОВА:
Искусство — не метро, не то место, куда вбегаешь по необходимости, а потом уходишь.
Вахтанговская система выращивала человека для Искусства.

СЕРГЕЙ МАКОВЕЦКИЙ:
В канун 75-летия театра я хочу сказать, что он все же по-прежнему стильный. Везде, в том числе и у нас, есть свои коалиции и интриги. Но у нас даже они выглядят интеллигентно. Кипяток на актрису никто себе не позволит вылить. У нас интеллигентные отношения. И в этом стиль театра

Записала **Наталья ТЕБЕЛЕВА**
Фото **Виктора АХЛОМОВА**,
Валерия ПЛОТНИКОВА, **Михаила КОРОЛЕВА**

ЮЛИЯ РУТБЕРГ:

Театру — 75. Это целая жизнь! Вернее жизни и судьбы нескольких поколений артистов, режиссеров, гримеров, осветителей... Театр — дело коллективное. Поэтому я поздравляю всех членов огромной вахтанговской семьи, всех тружеников на этом благородном поприще, всех, без различия чинов и регалий.

— Для вас театр имени Вахтангова — это...

— Это моя жизнь. Девятый сезон я служу здесь, ни от чего не отказываясь и почитая за честь любую роль, которую мне предлагают — даже Березу в "Коте в сапогах". Сейчас у меня в месяц минимум 15-19 спектаклей, а иногда и все 24. Но хотелось бы, чтобы рядом с фамилией была Роль, в которую можно вложить то, что умеешь, чувствуешь! Внутренне я убеждена, что теперь уже имею право играть большие роли. Но единственная главная роль была в "Зойкиной квартире". Этот спектакль перевернул мою жизнь и определил приход сюда.

— Каким вы видите театр Вахтангова?

— Вахтанговский театр — самый необычный театр, театр фантастического реализма. Ползуший реализм я ненавижу. Маяки для меня — Раневская, Бирман, Мансурова. Мне кажется, что лучшие вахтанговские артисты — лицедеи. Это не марка театра, а суть происходящего. НАФАНТАЗИРОВАННЫЙ реализм.

— Как вам кажется, почему в театр Вахтангова ходят зрители?

— Здесь много талантливых людей. Все 75 лет корабль плывет лишь по этой простой причине. Даже сегодня зрители приходят сюда "на артистов". В том числе и на молодых — на Сережу Маковецкого, Максима Суханова, Женю Князева, Володю Симонова. Но своей публики у театра Вахтангова теперь, к сожалению, нет. Но в театре нет главного режиссера, а значит, нет направления, и куда теперь плывет этот корабль — никто не знает. Где его антевза земля? Раньше здесь был изысканный, юнкерский какой-то стиль. Публика приходила с цветами, в туфлях. Сейчас — с авоськами, едят на спектаклях. В зале иногда включаются сотовые телефоны, пищат пейджеры — то есть появляются и новые русские. Но мы не самый модный для них театр. Может быть, это и не очень хорошо. Мы, скорее, театр не для новых русских, а для старых евреев...

— Вы, наверное, помните, как впервые пришли в Вахтанговский?

— Любопытно, что первым театром, в который я попал, приехав в Москву, был театр имени Вахтангова. Я тогда не знал не только, чем он отличается от других, а вообще плохо представлял себе, какие театры есть в столице. Увидел на Арбате это серое здание с колоннами. Почему-то зашел в кассу. Она была закрыта, а около окошка висел список с фамилиями тех, кто записался на брешь. В то время театр Вахтангова безумно любили. Повинуясь, очевидно, юношескому азарту, я сорвал список, взял чистый листок и написал свою фамилию. Вскоре стали приходить люди, и я всех записывал. Когда мой список насчитывал уже человек сорок, появились те, кто был в прежнем. Начался скандал. Но "моя" группа побеждала. Мы говорили, что с утра ждем, на обед не ходили, а «вас здесь не стояло». Я всех организовал, построил в очередь. Когда открылось окошко, меня пропустили первым. И тут я увидел умоляющие глаза девушки, не успевшей записаться, — купил два билета. Номера мест мне ни о чем не говорили, а между тем одно из них отмечено табличкой "Евгений Багратионович Вахтангов". Так я посмотрел легендарную "Принцессу Турандот" с известнейшим составом — играли Яковлев, Ульянов, Гриценко, Зорин, Лановой, Борисова, Максакова. А в антракте со мной здоровались те, кто благодаря всей этой афере попал на спектакль. Я не помню, какое впечатление произвела на меня постановка, но ощущение праздника осталось до сих пор.

— Каким вы видите театр Вахтангова сейчас?

— По-моему, беда нашего театра в отчуждении. Мы варимся в собственном соку. Не берем артистов других школ. Причем вахтанговцы-то замечательно работают в разных театрах. Мне кажется, глаз чуть-чуть замылился. Не очень талантливого, но занимающему некое положение в театре актеру всегда удобно лихо отвести в сторону все неоднозначное, личностное, прикрыв свою несостоятельность щитом с надписью: "Это вахтанговское".

— А что такое "вахтанговское"?

— Чтобы обратиться в зал с шуткой, нужно сначала шикарно сыграть монолог, довести зрителей до слез или гомерического хохота, очень много отдать. Только тогда, после безумно серьезного монолога, можно, утирая слезы, сказать: "Что-то я сегодня на две минуты дольше говорил", — убрать чересчур серьезные эмоции, доказать, что это все же игра. Михаил Чехов, доведя зрительный зал до истерики, поворачивался к партнерам и показывал язык, а потом продолжал играть. Но момент хулиганства не должен подменять глубиния переживаний. Ирония по отношению к персонажу — очень сложная штука.

Я считаю, что многие талантливо сделанные спектакли можно разобрать по методологии Евгения Багратионовича и назвать вахтанговскими — даже если они идут не только в другом театре, но и в другом городе. Поэтому я рад, что Михаил Александрович приглашает разных режиссеров. Я уверен: спектакли Виктюка должны быть в театре Вахтангова. И спектакли Петра Фоменко "Государь ты наш, батюшка", "Пиковая дама" — это вахтанговские спектакли.

Вахтанговское — это яркие личности. Блестящие, великолепные артисты — все поколение Ульянова, Яковлева, Борисовой, Максаковой.

Может быть, школа Евгения Багратионовича и в том, чтобы видеть и слышать зал. Выходишь на сцену — и действительно начинается чудо. Внутри что-то вспыхивает и становится удивительно хорошо. Я вижу всех, кто сидит в зрительном зале, замечая, как реагируют знакомые, и погружаюсь в эту атмосферу. Для меня нет "четвертой стены".

13 ТЕАТРУ ИМЕНИ ЕВГЕНИЯ ВАХТАНГОВА ИСПОЛНЯЕТСЯ 75 ЛЕТ НОЯБРЯ

Мы попросили ведущих артистов театра сказать несколько слов по этому поводу и передать наши поздравления всем вахтанговцам

МИХАИЛ УЛЬЯНОВ:

Мы живем в этом доме, любим его, дорожим им, понимая, что театр имени Вахтангова должен быть сохранен как уникальная театральная единица.

— Сколько лет вы уже в этом театре?

— С 1950 года. 9 лет назад стал его художественным руководителем.

— Что такое театр имени Вахтангова сегодня?

— Вахтанговские традиции, его раскрепощенная школа, праздничность, яркая театральность — во всех наших лучших спектаклях. Евгений Багратионович Вахтангов говорил: "Нет праздника — нет театра".

— Говорят, популярность театра растет. Заметно ли это на примере вашего театра?

— К сожалению, мы растеряли много зрителей. К нам всегда приходила небогатая арбатская интеллигенция. Сейчас этого района практически не существует. Но арбатские старушки до сих пор ходят на все наши премьеры. Когда-то публика приходила на Захаву, Мансурову — всех, кто составлял славу театра в те годы. Потом — на Этуша, Яковлева, Максакову. И теперь каждый год из училища приходит много талантливой молодежи. Нам есть кому передать эстафету.